

Дронова Т. И.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В КУЛЬТУРЕ СТАРОВОЕРОВ-БЕСПОПОВЦЕВ УСТЬ-ЦИЛЬМЫ¹

На основе авторских полевых материалов и церковных правил Кормчей книги исследуется тема супружеских отношений у русских староверов-беспоповцев (поморцев), проживающих в Усть-Цилемском районе Республики Коми. В статье анализируется народная терминология, отражающая гениталии мужчины и женщины, вариативность обозначений соития, определявшаяся крестьянским пониманием о процессе с позиции оценочного суждения как «праведном» и «неправедном» деле; традиционная поэзия пестования детей, связывавшаяся с идентификацией пола и «открыванием» половых органов младенцев. Особое внимание обращено рождению внебрачных детей, объяснявшемуся игнорированием староверов церковного венчания, сравниваемому с осквернением жизни, считавшемуся неизмеримо большим грехом, чем плотское сожитие в «антихристово время».

Ключевые слова: русские, староверы, супружеские отношения, пестование детей, внебрачные дети, обряд.

В народной культуре благополучная жизнь мужчины и женщины не мыслится вне их единства, а их взаимоотношения во всей полноте раскрываются в культурологической оппозиции мужской/женской, характеризующей все сферы человеческой и природной жизни. В данной статье исследуются супружеские отношения в культуре староверов, проживающих в Усть-Цилемском районе Республики Коми, нашедшие отражение в церковных правилах, народном мировоззрении, терминологии и обрядах.

В русском традиционном обществе соитие мужчины и женщины вне брака запрещалось Церковью и считалось исключительно блудом. В староверии данное обстоятельство было особо обсуждаемой проблемой, поскольку с утратой священства духовные старцы называли наступившие времена «последними» и призывали христиан к аскетизму, в XVII–XVIII в. признававшегося единственным путём к спасению; прочие браки признавались блудом. Позднее коитус в браке, благословлённый родителями, рассматривался староверами как «дело Божье», сведения об этом усть-цилемские староверы получали из *писаний* и неукоснительно следовали церковным предписаниям, табуировавшим половые отношения во все посты, в канун праздников, по средам и пятницам, связывавшимися с предательством и распятием Христа, а также в субботу и воскресенье, когда «возносится Богу духовная жертва» (Кормчая, 1998: 676). В правилах Тимофея архиепископа Александрийского говорится об обоюдном желании мужа и жены, не имеющем в этом случае сатанинской похоти в строго определённые дни – понедельник, вторник, четверг: «не лишайте себе друг друга, токмо аще хотите по совещанию се творити: да не искушает вас сатана» (Кормчая, 1998: 676).

Между тем, и в благословленном браке половые отношения характеризовались двойственностью: с одной стороны, коитус рассматривался житейской необходимостью для продолжения рода, в прошлом наделялся генеративной символикой и совершался для обеспечения удачи, плодородия (Мужики и бабы, 2005: 623–625); с другой, – с позиции христианской морали, считался «греховной похотью», «нечистым делом». «Нечистая» семантика приписывалась смерти, наступившей при соитии, признававшаяся усть-цилемскими староверами самой греховной и, называвшаяся *смертищица*: «*Семьдесят семь смертей и смертищица*» – говорится в усть-цилемском присловье. О таких усопших сообщали: «*помер (померла) в погани*» и по ним запрещались индивидуальные поминовения (Дронова, 2002: 150–161; Дронова, 2012: 90–94).

¹ Работа выполнена по Программе фундаментальных научных исследований УрО РАН, проект № 15-15-6-47 «Стратегии и практики освоения и заселения Европейской Арктики: локальные и кросскультурные процессы в исторической динамике».

Продолжение рода – тема очень трепетная и важная для каждого человека, в староверческой среде ей придавалось особое внимание, и следование наставлениям старообрядческих учителей было делом неукоснительным. Большое значение придавалось нравственности женщины, её духовной чистоте, преданности мужу. Считалось, что в ином случае неблагочестивое поведение могло пагубно отразиться на её потомстве: «Аще вином упивается жена – у таких рождаются плешаты (дети. – Т. Д.)» (Аввакум, 1927: 544). Некоторые рассказы информантов, например, о неповиновении жены мужу, явно, являются народной обработкой поучений протопопа Аввакума: «жена отталкивает мужа, дети косы рождаются»; «гуляшша жонка детей своих обрекает на пагубу» и др. О наказуемости неповиновения жены мужу Аввакум пишет: «Если жена к мужу своему стропствует ложу его, есть писано, у таких дети рождаются не благообразны: или косы, или брилаты, и немые» (Аввакум, 1927: 544). К зачатию ребенка необходимо было подготовиться: очиститься от «бесовских» помыслов, в кои для мужчин входили и мысли о блуде, молитвой в 50–100 поклонов: «Аще не измывся мечтаний, со женою своею зачнешь во утробе детище – таковое или бесно родится, или безумно...» (Аввакум, 1927: 544). Перед половым актом необходимо было снять нательный крест, который вновь надевали после омовения гениталий. Строго запрещалось соитие с роженицей, в первые 40 дней – её называли *полой, нечистой*.

В усть-цилемской лексике гениталии мужчины и женщины имели обобщённое название *грешно́/срамно́ место*. Вместе с тем, разговоры и шутки на сексуальную тему не были запретными, их можно было услышать, как от мужчин, так и женщин, особенно которым было присуще чувство юмора. Эвфемизмы отражающие мужские и женские органы имеют различную природу: *уда* ‘penis’, старославянский термин, использующийся в том же значении; *пень осиновый*² * букв. ‘крепкий, ядрёный’ – иронизировали над похотливыми мужчинами; *шишка*; об импотенте говорили: *пустое огузье*. В случае, когда престарелый мужчина, вопреки христианскому правилу, запрещавшему браки стариков, собирался жениться, женщины без смущения иронично спрашивали его: «*договорился с огузьем или нет?*». *Пирожок, оборона, марфа/манька* – номинации женского полового органа; мужчины иронизировали над женщинами: «*Баб тех не убьют, от хулиганов своей обороной отобьются*». «*Девки ешьте творожок, чтоб был мягче пирожок*» – шутили парни над девушками. Старухи в свою очередь с девочками разучивали частушку: «*Дедко старенький-престаренький сидит на бережку. Уда долгая-предолгая замочена в реку*».

Вариативность обозначений соития определялась крестьянским пониманием о процессе с позиции оценочного суждения как «праведном» и «неправедном» деле, т.е. по правилам или вне правил относительно естественного распорядка человеческой жизни. О коитусе в браке говорили: *жить, шоркаться, шороханьё, шорканьё, около шорканья/шороханья* ‘о приближении ночи’, *в оглобли запускать / из оглоблей не отпускать* букв. ‘разрешить половой акт/не отпускать от себя мужчину’ (о женщине) – ироничное выражение используется исключительно в мужском кругу, например, опоздавшего мужчину спрашивают: «*что, жёнка из оглоблей не выпускала?*». *Проткнуть* ‘лишить девственности’: «*Молодка – проткнута серёдка*». Половой акт вне брака имел номинации: *трести, драть*: «*Кого дерут, тех взамуж не берут*». О зачатии в браке свидетельствуют лексемы *засеять, спосеять*; вне брака: *натрусить* ‘наплодить детей вне брака по разным местностям’, *нажить, принести со стороны, наиграть, сколотить* – зачать вне правил естественного распорядка жизни (Бунчук, 2008: 27–29).

Устьцилемы следовали церковным правилам и вместе с тем стойко сохраняли архаические обычаи, в частности, сексуальные игры, направленные на обеспечение удачи, плодородия. Перед тем как новую сеть, приготовленную к использованию, применить в деле семейная пара должна

² Черенки для лопат и вил делали из осины, считавшейся прочным деревом: «*Осину очистить от шкуры, она закостенеет, будет крепкой и долго служит. Ратовище (черенок. – Т. Д.) из осины делали, оглобли*» (ПМА. Записано от И. А. Бабикова, 1940 г.р., д. Чукчино в 2004 г.).

была на ней совершить половой акт, чтобы рыбаку сопутствовала удача и *рыба пятналась* (попадала в сеть). Достижению желаемого успеха мог способствовать и приём, согласно которому на развёрнутой и приготовленной к погружению в воду сети должна была посидеть посторонняя женщина, например, проживавшая в другой деревне. По окончанию уборочных работ благодарили землю за обильный урожай и совершали магический обряд оплодотворения земли для получения нового урожая: женщины заманивали на поле крепкого мужчину, который не возражал против женских забав, засовывали ему в штаны сноп из колосьев, сжатых последними с поля и катали его по земле. В период сенокосных и уборочных работ взрослые поддерживали развлечение молодёжи, в частности, парное катание по земле, связывавшееся с имитацией совокупления, направленное как на получение урожая, так и определение брачных пар.

Ветхозаветная история о первородном грехе сформировала представление о женщинах в целом как похотливых существах, совращающих мужчин. Жизнь замужней женщины регламентировалась церковными и народными предписаниями: молодые женщины не имели права без разрешения покидать территорию двора, при необходимости следовало просить разрешение у мужа или свёкра; следовало соблюдать требования в одежде – запрещалось прилюдно появляться без платка, оголять руки и ноги, носить приталенное платье.

О том, что слово мужа – закон, а неповиновение ему могло иметь различные последствия, знали все женщины, но в определенных ситуациях, бывало, поступали своенравно. Например, несмотря на то, что житейским правилом сексуальное общение запрещалось, например, в бане и на печке, при случае женщине следовало повиноваться мужу с тем, чтобы избежать неприятностей, о которых, к примеру, повествуется в следующем рассказе о реальном событии и в «притче»:

1. *«Раньше ведь беда строго жили. Рассказывали, одни мылись в бане и мужик попросил, а жена побоялась: в бане, да против воскресенья, испугалась и убежала из бани. Муж как разъярился, стал материться..., а потом на следующий день заболел и недолге умер. А потом наставница Евдокимовна сказала, раз разгневала мужа, грех на тебе. Женщине положено дать мужу где бы он не попросил. И смерть мужа подумали, что наступила наскоро, может оттого, что прогневил Бога и святых, да в бане, а сам не покаялся и так вот случилось. Грех оказался на жене. Наставница сказала: *наперво надо было правилом от Бога смотреть, мене³ греха*» (ПМА-1).*

2. *«Притча така есть. Один мужик попросил свою жену, а она отказала. Он пошёл и согрешил с кобылой. Пришёл к дому, рассказал жены и летит чёрный ворон. А жена говорит: “Раз ты так поступил, то за тобой и летит”. А ворон её заклевал до смерти». Рассказчица прокомментировала: «В этом грехе баба виновна, ведь сколько преж рассказывали, мужик пойдет на сторону и другого человека в грех введёт, а виновата за двух будет одна жена. В правилах писано: мужики могут не только с женщинами, но и с животными. Женщина должна мужа уберечь» (ПМА-2).*

Таким образом, в разрешении семейно-брачных вопросов наставники призывали, прежде всего, руководствоваться церковными правилами; дедовские обычаи, занимавшие значительное место в их жизни, в разрешении этой проблемы признавались второстепенными.

В славянской культуре сохранялись убеждения, согласно которым девушка должна была сохранять целомудрие в первую брачную ночь, иногда первые три ночи с тем, чтобы не лишиться любви мужа и его родни (Гура, 2012: 523). Рудименты этого обычая представлены и в усть-цилемской культурной традиции, имевшие иное объяснение: выражение верности и преданности мужу. Но не все мужчины были готовы к такому испытанию, случалось, что от невест с подобными установками отказывались, как в следующем рассказе: *«Я замуж выходила в первый раз и мужика ночью от себя гонила, выполнила наставление матери, но муж после третьего дня сбежал. Я девушкой во второй раз замуж вышла, но уже больше мужика не отталкивала и хорошо с ним всю жизнь прожили» (ПМА-4).*

³ Меньше.

Блюстителями духовного порядка в доме были старухи, которые особо контролировали половое поведение женатых членов семьи, особенно молодых: *«Раньше все жили в одной комнате и старики следили, чтобы в недозволенно время не шоркались. Старухи нам, молодым чё ле, бывало, подсказывали, поучали, а потом скажут: “Бабка глупа, бат древлю уж,” – и как так и надо. А сами за молодожёнами особенно следили: спят – не спят. Мы поженились в феврале и спали в катагари в клетки, так до лета и прожили там. Дэк бабка ночью, буд-то в туалет пойдёт и к нам всегда заглянет в катагар, посмотрит в обнимку спим или нет. И как так и надо. Бат когда и затаивалась, подслушивала, така жись была не только у нас, у всех деревенчких. Бывало молодым остудну кинут, и они спят спиной друг к другу, – опеть старухи про то знали, подглядывали, на их не обижались, стары ведь. А молодых потом лечили или чё ле делали»* (ПМА-5). Именно они первыми начинали бить тревогу, когда у молодоженов жизнь не ладилась, или они спали, отвернувшись друг от друга. Бывало, что прибежали к приворотной магии, несмотря на то, что в христианской культуре такой прием строго запрещался.

О том, что сексуальная жизнь в благословленном браке считалась делом «добрым», говорится в следующем рассказе: *«Когда в деревню стали возить кино, старики не ходили, считали бесовским делом. Одного старика спрашивают: “Пошишо в клуб не ходишь? Там показывают как целуются. Беда, весело”. – “Тьфу ты! Како уж тут добро дело: вот когда сыновья со своими жёнками за занавесками, да мы с хозяйкой, да как зачем избу шатать – вот тут добро дело и очень весело. А ваше кино пустое и бесовско”»* (ПМА-3).

В народной культуре особо осуждался «блуд». К гулящим мужчинам общество относилось более снисходительно, тогда как женщины подлежали всеобщему осуждению, а муж мог отказаться от жены. О гулящих мужьях устьцилёмы говорят: *«Имеет две жены: одну у квашни, другую у мошни»*. О женщинах говорили, как о *лёжкой на передок*.

Проблема дефицита мужчин всегда существовала в Усть-Цилемской волости. Этим отчасти объяснимо рождение внебрачных детей. По ревизской сказке за 1834 год из 10 переписанных деревень в трёх было выявлено рождение внебрачных детей, общая численность которых составила 77 человек: шесть женщин имели по трое детей, четыре – по двое, у 50 женщин было по одному ребёнку, один ребёнок был записан на отца (см. табл.). В деревнях, где численность мужчин и женщин была равной, факты таких рождений не выявляются. В оправдание внебрачных рождений информанты рассказывают такую притчу: *«Буд-то Бог сказал так. Он по парам всех создал: одному пару, другому пару, а какой ле парá не досталась и Бог сказал: “Меж има пронимайсе”. Вот и баб всегда больше, чем мужиков, то бабы и рожают в девках»* (ПМА-6).

Численность незаконнорожденных детей в ревизских сказках может быть оспорена, поскольку официальной и церковной властью невенчаннные браки не признавались, а дети от невенчаннных браков в метрике записывались как незаконнорожденные: *«Жен и детей раскольников, приемлющих священство, показать таковыми в ревизских сказках на основании полицейских свидетельств, в отношении же раскольников беспоповщинской секты, кои брак отвергают и имеют детей, то таковых детей на основании тех же полицейских свидетельств или обывательских книг показывать по ревизии в семействах раскольников незаконнорожденными, а матерей их по случаю отвержения ими брака, женами раскольников не записывать, но вносить в списки тех семейств к которым они принадлежат по рождению»* (ГААО-2).

Невенчаннные браки отрицательно характеризовались исследователями, посетившими печорский край в разные годы, обвинявшими женщин в распущенности: *«Общий уровень нравственности устьцилёмок очень невысок, и едва ли незаслуженно пользуется в этом отношении дурною славой на весь край»* (Истомин, 1890: 437); *«...Нарушение целомудрия до брака вообще считается не только дозволенным, но вошло, кажется, в обычай. На вопрос: “сколько у тебя детей?” – вы всегда можете получить ответ: “до свадьбы было трое, да с Иваном прижила пятерых”*. Сами родители корят девушку, если у неё нет ухаживателя: *“Ты видно в людях не годна, никто за тобой не ухаживает”»* (Ляцкий, 1904: 723). Священник Бугаевского прихода Усть-Цилемской волости свидетельствовал, что старухи так поучали девушек: *«Лучше девкой*

народи ребят, хотя бы столько, сколько пней в лесу, только в церковь (для брака) не ходи, так все Бог простит» (Михайлов, 1903: 84). Подобные рекомендации стариц, по сути, санкционировали добрачные половые отношения молодежи в деревнях по Печоре, хотя родители и стремились уберечь своих детей от них. Ю. В. Гагарин связывает известную свободу нравов устьцилемской молодёжи «с проникновением в этот край федосеевщины, в частности, их бракособорного учения, по которому вступление в брак считалось бóльшим грехом, чем открытый блуд» (Гагарин, 1970: 23). Данное утверждение представляется не бесспорным, поскольку факт утверждения на Нижней Печоре федосеевского учения не подтвержден в ходе полевых исследований, а поморские беспоповцы также отрицательно относились к браковенчанию, как осквернению, считавшемуся неизмеримо большим грехом, чем плотское сожитие в «антихристово время» (Ончуков, 1901: 11). Во все времена и во всех местностях встречались незаконнорожденные дети, и причины тому были разные (Ильина, 2009: 177). Общественное мнение с осуждением относилось к внебрачным рождениям, народ слагал присловья, обличающие девиц «лёгкого поведения» и ситуацию в целом. Например, на Печоре о девицах невысокой нравственности иронично говорили: «*у девиц до замужья зарастёт*». В XX столетии отголосок прошлого составлял мотив для мужского юмора: «*Ну чё баба-та какова, мужики-ти хвалят ле?*» Не исключено, что подобные шутки слагались и с целью предупреждения, оберегания девиц от таких случаев и позора в целом.

Численность населения Усть-Цилемской волости за 1834 г. (ГААО-1)

Населенный пункт	Мужчин	Женщин	Незаконнорожденных	Количество хозяйств
Усть-Цильма	802	873	54	177
Гарево	93	113	3	20
Загривочная	104	100	–	18
Чуркинская	19	12	–	3
Верховская (1 семья)	7	8	–	1
Кривомежная	38	41	–	6
Уежная	116	147	6	26
Хабарицкая	29	27	–	4
Великопоженский скит	6	8	–	
Сергеевоцельская	58	69	11	12
Всего по ревизской сказке:	1272	1396	77	267

Отчасти объяснение внебрачных рождений усматривается и с точки зрения житейского понимания незавидного статуса «старых дев», согласно которому девушки, оставшиеся в одиночестве, должны были покинуть сельское общество – уходили в скиты, после их упразднения оставались в отчем доме. *Обабившаяся* женщина продолжала участвовать в обрядовой жизни общины, тогда как одинокая старая дева из неё исключалась.

Весьма своеобразно устьцилемские староверы обосновывали одиночество старых дев, невыход замуж которых связывали с тем, что они не прошли социализацию или в отношении их в детстве не были исполнены необходимые ритуалы, направленные на «открытие органов» (Агапкина, 1991: 260). Известно, что первое обрядовое закрепление полового различия для девочек происходило в полутора-двухгодовалом возрасте. В их пестовании наиболее показательна традиционная прибаутка с зачином «Анночка / векушка-горожаночка», которую исполняли старухи, предварительно посадив девочку на стопу ноги лицом к себе «промеж ног». Они держали её за ручки и покачивали. Форма игры имела явно эротическую направленность, подтверждавшуюся завершающими её словами потешки: «Борода, посередке щыль, / Да пригодится всем» (Дети и Детство, 2008: 65). Данными метафорами впервые в игровой манере

фиксируется пол ребенка. В подобных играх, безусловно, обнаруживается связь с продуцирующими обрядами. Участие в них старух, которым, как известно, приписывалась повышенная магическая «колодовская сила», вероятно, должно было благотворно воздействовать на будущую сексуальную энергию девочки, её детородность.

Тема «сексуальных отношений» просматривается и в других забавах с детьми раннего младенчества. Т. С. Канева, анализируя фольклорные жанры материнской поэзии, выделяет тексты, в которых присутствует выделение мужского и женского начал: («Девки ягоды берут... Ванюшке не дают»; «Гришка-грибок // Накакал в коробок... Девки шли в городок, нашли коробок...»; «Жили-были дед да баба...»; «Жили царь да царица...»), и в ряде мотивов: любовных симпатий («Девки Ваньку завлекли, // Я одна Алешку. // Я Алешку-то ведь брошу, // Лучше Ваньку завлеку; А Ваня, Ваня, Ванюша, // Я тебе не páруша...»; «девушки и медведь» («У медведя на бору // Девки ягоды берут...»; «Медведь на болоти // Сметану колотит, // Девочка кличет, // В жопу тычет»; «свадьбы-замужества» («Вышла кошка за кота...»; «Где девки? – Мужья выскакали...» и др.) (Канева, 2008: 43). Разработанность образов телесного низа в фольклоре пестования Т. Н. Бунчук связывает с особенностью восприятия ребенка в период раннего младенчества как «недочеловека» (*живульки*). «Ребенок еще не «созревшая душа», а потому и духовность его не страдает, когда в текстах, направленных к нему, используются «срамные» образы и выражения» (Бунчук, 2008: 30).

Важно заметить, что общая строгость старообрядческих правил морального типа не распространялась на поведение стариков и детей, допускавшее известную легкомысленность и вольность, выражавшиеся в песенно-игровом репертуаре, порой достаточно откровенно. Примером тому являлись детские посиделки, участниками которых были старухи и дети. Сакрализация получения знаний обусловлена уединенностью этих возрастных групп на посиделках, где вербализация «греха» убедительно представлена беседами представителей выше названных групп, загадыванием загадок эротического характера, исполнением частушек, явно не детского содержания. Загадки «с двойным смыслом» выполняли немаловажное значение для воспитания детей. На их примере старухи знакомили своих подопечных со сферой сексуальных отношений: «С локоть голого, / С локоть мохнатого, / С локоть в дыру ушло». – Прядут кудель; «Росло-сповыросло, / Из штанов сповылезло, / С конца залупилось, / Краснó появилось» – Морошка.

Несмотря на то, что догматическим учением, песенно-плясовое поведение выводилось за рамки норм и предписаний старообрядческой этики, передача народных знаний не воспрещалась духовными старообрядческими лидерами, и гибкое отношение к «мирским» забавам сохранялось во все времена развития староверия, объяснявшееся «на веках так бывало». Традиционное воспитание детей обществом рассматривалось как «верное», обосновывавшееся «так отцы делали» и санкция на вольный репертуар детских посиделок обосновывалась в том числе известным легкомыслием представителей групп, выраженным в усть-цилемском приговоре: «у старого да у малого – умок-то легкий».

Таким образом, строгие старообрядческие правила не воспрещали забавы старух с детьми, с использованием текстов порой, явно, не детской тематики и не призывали к покаянию, поскольку система традиционного воспитания восходила к так называемой «дедовской старине», воспеваемой староверами, которая ставилась чуть ли не вровень с их догматическим учением. Аскетизм, провозглашенный лидерами староверия в послераскольные времена, был принят частью его представителей, обосновавшихся в скитах, остальные последователи староверия уходили на окраины России, селились уединенно в лесах и строили общинную жизнь, основывавшуюся в том числе на традиционных представлениях и обрядности. Именно с этих позиций можно объяснить мотивы поведения различных половозрастных групп, формы и способы демонстраций межполовых отношений.

Список источников

- Аввакум. Книга толкований и нравоучений // Памятники истории старообрядчества XVII в. – Кн. 1, вып. 1. – Л., 1927. Государственный архив Архангельской области (далее ГААО).
- ГААО-1. – Ф. 51. – Оп. 11. – Т. 8. – Д. 12859.
- ГААО-2. – Ф. 538. – Оп. 1. – Д. 40. – Л. 6.
- Истомин Ф. М. Предварительный отчет о поездке в печорский край летом 1890 года // ИРГО. – Т.26, вып. 2. – СПб., 1890. – С. 432–459.
- Кормчая 1998 – Кормчая книга (Номоканон). СПб., 1998. – 1482 с.
- Ляцкий Е. Поездка на Печору (из путевых заметок) // ВЕ. – Кн. 12. – СПб., 1904. – С. 683–727.
- Михайлов И. Религиозно-нравственное состояние Бугаевского прихода Печорского уезда // АЕВ. – 1903. – № 3. – С. 84.
- Ончуков Н. Е. О расколе на Низовой Печоре. – СПб., 1901.
- ПМА-1. Записано от П. Г. Чупровой, 1925 г.р., в с. Трусово Усть-Цилемского р-на в 2000 г.
- ПМА-2. Записано от А. И. Дуркиной, 1938 г.р., в д. Карпушовка Усть-Цилемского р-на в 2000 г.
- ПМА-3. Записано от П. Г. Бабиковой, 1932 г.р., д. Чукчино Усть-Цилемского р-на в 2000 г.
- ПМА-4. Записано от М. Я. Шишеловой 1929 г.р. м/р. Д. Филипповская, Усть-Цилемского р-на в 2010 г.
- ПМА-5. Информация записана в 2012 г. на Цильме Усть-Цилемского р-на. По просьбе информанта данные о нём не приводятся.
- ПМА-6. Записано от М. А. Дуркиной 1928 г.р. в с. Трусово Усть-Цилемского р-на в 2012 г.

Список литературы

- Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. – М.: Индрик, 2002.
- Бунчук Т. Н. Языковое выражение представлений о рождении (появлении в семье) ребёнка в усть-цилемской народной культуре // Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы / Сост. Т. И. Дронова, Т. С. Канева. Сыктывкар, 2008. – С. 27–37.
- Гагарин Ю. В. Старообрядцы. – Сыктывкар, 1970. – 144 с.
- Гура А. В. Брак и свадьба в славянской культуре: семантика и символика. – М., 2012. – 936 с.
- Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы / Сост. Т. И. Дронова, Т. С. Канева. – Сыктывкар, 2008.
- Дронова Т. И. Русские староверы-беспоповцы Усть-Цильмы: конфессиональные традиции в обрядах жизненного цикла (конец XIX – начало XX вв.). – Сыктывкар, 2002. – 276 с.
- Дронова Т. И. «Слово о забывших грешных»: к вопросу о поминовении в усть-цилемской культурной традиции // Известия КНЦ. – 2012. – № 3. – С. 90–94.
- Ильина И. В., Уляшев О. И. Мужчина и женщина в традиционной культуре коми. – Сыктывкар, 2009. – 222 с.
- Канева Т. С. Традиционная усть-цилемская поэзия пестования // Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы / Сост. Т. И. Дронова, Т. С. Канева. – Сыктывкар, 2008. – С. 38–46.
- Мужики и бабы: мужское и женское в русской традиционной культуре. – СПб., 2005. – С. 623–625.

Дронова Т. И., ведущий научный сотрудник.

Институт языка, литературы, истории Коми, научный центр УрО РАН, сектор этнографии.

Ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, Россия, 167000.

E-mail: t_i_dronova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 05.12.2016

Dronova T. I.

IDEAS OF MATRIMONIAL RELATIONS IN THE CULTURE OF CONSERVATIVES-BESPOPOVTSYS OF UST-TSILMA

On the basis of author's field materials and church rules of the Kormchy book, the paper deals with the subject of matrimonial relations at conservative-bespopovtsy (pomorets) living in the Ust-Tsilemsky district of the Komi Republic. The paper describes the analysis of local terminology describing male and female genitals, the variability of designations of coition which was defined by peasant understanding about process from a position of estimated judgment as an "just" and "injust" business; the traditional poetry of fostering of children contacting identification of a floor and "opening" of genitals of babies.

Special attention is paid to the birth of illegitimate children which was explained by ignoring by conservatives of church wedding, compared to defilement of life, being considered as immeasurably great sin, than carnal intercourse in "anti-christian time".

Key words: *Russians, Old Believers, matrimonial relations, fostering of children, illegitimate children, rites.*

Sources

- Avvakum. Kniga tolkovaniy i npravouchenij // Pamjatniki istorii staroobriadchestva XVII v. – Kn. 1, vyp. 1. – L., 1927.
Gosudarstvennyj arhiv Arhangel'skoj oblasti (dalee GAAO):
GAAO-1. F. 51. Op. 11. T. 8. D. 12859.
GAAO-2. F. 538. Op. 1. D. 40. L. 6.
Istomin F. M. Predvaritel'nyj otchet o poezdke v pechorskij kraj letom 1890 goda // IRGO. – T. 26, vyp. 2. – SPb., 1890. – S. 432–459.
Kormchaja 1998 – Kormchaja kniga (Nomokanon). – SPb., 1998. – 1482 s.
Ljackij E. Poezdka na Pechoru (iz putevyh zametok) // VE. – Kn. 12. – SPb., 1904. – S. 683–727.
Mihajlov I. Religiozno-nravstvennoe sostojanie Bugaevskogo prihoda Pechorskogo uezda // AEV. – 1903. – № 3. – S. 84.
Onchukov N. E. O raskole na Nizovoj Pechore. – SPb., 1901.
Polevye materialy avtora (dalee PMA):
PMA-1. Recorded from P. G. Chuprovoj, 1925 g.r., v s. Trusovo Ust'-Cilemskogo r-na v 2000.
PMA-2. Recorded from A. I. Durkinov, 1938 g.r., v d. Karpushovka Ust'-Cilemskogo r-na v 2000.
PMA-3. Recorded from P. G. Babikovo, 1932 g.r., d. Chukchino Ust'-Cilemskogo r-na v 2000.
PMA-4. Recorded from M. Ja. Shishelovoj 1929 g.r. m/r. D. Filippovskaja, Ust'-Cilemskogo r-na v 2010.
PMA-5. Recorded in 2012 g. at Cil'me Ust'-Cilemskogo r-na. Personal data on informant are not listed.
PMA-6. Recorded from M. A. Durkinov 1928 g.r. v s. Trusovo Ust'-Cilemskogo r-na v 2012.

References

- Agapkina T. A. Mifopojeticheskie osnovy slavjanskogo narodnogo kalendarja. Vesenne-letnij cikl [Mifopojeticheskie osnovy slavjanskogo narodnogo kalendarja. Vesenne-letnij cikl]. – Moscow: Indrik, 2002. (in Russian)
Bunchuk T. N. Jazykovoe vyrazhenie predstavlenij o rozhdenii (pojavlenii v sem'e) rebjonka v ust'-cilemskoj narodnoj kul'ture [Language expression of ideas of the birth (emergence in a family) the child in ust'-tsilemsky national culture]. *Deti i detstvo v narodnoj kul'ture Ust'-Cil'my*. Pod. red. T. I. Dronovoj, T. S. Kanevoj. – Syktyvkar, 2008. – P. 27–37. (in Russian)
Gagarin Ju.V. Staroobriadcy [Old Believers]. – Syktyvkar, 1973. (in Russian)
Gura A. V. Brak i svad'ba v slavjanskoj kul'ture: semantika i simbolika [Marriage and wedding in Slavic culture: semantics and symbolics]. – Moscow, 2012. – 936 p. (in Russian)
Deti i detstvo v narodnoj kul'ture Ust'-Cil'my [Children and the childhood in national culture of Ust-Tsilma]. Pod. red. T. I. Dronovoj, T. S. Kanevoj. – Syktyvkar, 2008. (in Russian)
Dronova T. I. Russkie starovery-bespopovcy Ust'-Cil'my: konfessional'nye tradicii v obrjadah zhiznennogo cikla (konec XIX – nachalo XX vv.) [Russian conservatives-bespopovtsy of Ust-Tsilma: confessional traditions in ceremonies of life cycle (the end of XIX – the beginning of the 20th centuries)]. – Syktyvkar, 2002. – 276 p. (in Russian)
Dronova T.I. «Slovo o zabyvshih greshnyh»: k voprosu o pominovenii v ust'-cilemskoj kul'turnoj tradicii ["The word about forgotten guilty": to a question of commemoration in ust'-tsilemsky cultural tradition] // *Izvestija KNC*. – 2012. – № 3. – P. 90–94. (in Russian)
Il'ina I. V., Uljashev O. I. Muzhchina i zhenshhina v tradicionnoj kul'ture komi [The man and the woman in traditional culture of the Komi]. – Syktyvkar, 2009. – 222 p. (in Russian)
Kaneva T. S. Tradicionnaja ust'-cilemskaja poezija pestovanija [Traditional ust'-tsilemsky poetry of fostering]. *Deti i detstvo v narodnoj kul'ture Ust'-Cil'my*. Pod. red. T. I. Dronovoj, T. S. Kanevoj. – Syktyvkar, 2008. – P. 38–46. (in Russian)
Muzhiki i baby: muzhskoe i zhenskoe v russkoj tradicionnoj kul'ture [Men and women: men's and women's in the Russian traditional culture]. – Sankt-Peterburg, 2005. – P. 623–625. (in Russian)

Dronova T. I., Senior researcher.

Institute of language, literature, history Komi, scientific center OURO RAHN, ethnography sector.

Ul. Communistic, 26, Syktyvkar, Russia, 167000.

E-mail: t_i_dronova@mail.ru